

Однако социальная незащищенность служительской прослойки (отсутствие гарантированной пенсии, к примеру) приводили к хищениям и должностным злоупотреблениям. Это заставляло владельцев осуществлять регулярные “обревизования” своих имений, что требовало дополнительных затрат и не способствовало улучшению управления.

Попытка улучшить управление выливались в дробление управленческого аппарата и создание все больше числа функциональных служб. Это неминуемо влекло за собой бюрократизацию управления, связанную и с увеличением числа отчетной документации. Кроме того, усиления капиталистических элементов в управлении производством (рост численности и удельного веса производственно-технического персонала) сопровождалось мерами, направленными на сохранение существующего строя (увеличение административно-полицейского аппарата). Это свидетельствовало о нарастающем кризисе в управлении, преодолению которого было возможно в условиях того социально-экономического строя.

* * *

И. В. ПОБЕРЕЖНИКОВ
(г. Екатеринбург)

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕГЕНДЫ О КОНСТАНТИНЕ (ТАРА, 1826 Г.)

Народная социально-утопическая легенда о царях - “избавителях”, центральным персонажем которой стал цесаревич Константин Павлович, циркулировала с конца 1825 - начала 1826 г. до первых пореформенных лет. Возникновению константиновской версии легенды способствовало сложное стечение политических обстоятельств: неожиданная смерть Александра I, междуцарствие, восшествие на престол Николая вместо законного наследника, его старшего брата Константина, кончина жены Александра - Елизаветы Алексеевны, восстание декабристов, казнь их и т.д. Обсуждение этих событий в среде солдат, крестьян, рабочих, мещан, мелких чиновников сопровождалось распространением слухов о вынужденном отречении Константина Павловича от престола, о его желании дать волю крепостным крестьянам и облегчить участь податных сословий в целом, о борьбе между царем - “избавителем” Константином и узурпатором престола Николаем (Чистов К. В., 1969; Рахматуллин М. А., 1987, 1990).

Обнаруженные М. А. Рахматуллиным наиболее ранние документальные свидетельства в рамках “константиновской” легенды относятся к самому началу февраля 1826 г. Версия легенды, о которой повествует судебное-следственное дело “Об оказавшемся в городе Таре пасквиле” из Госархива Омской области, фиксируется первой декадой февраля того же года (Ф. 3, Оп. 13, Д. 1783, Л. 1-101 об), таким образом, мы имеем дело с одним из ранних случаев распространения легенды о Константине на далеком востоке страны, в г. Таре.

16 февраля 1826 г. чиновник тарского общего ок-

ружного управления коллежский регистратор Гавриил Эрн донес своему начальнику, что того же числа читал у исключенного со службы коллежского регистратора Якова Попова письмо предосудительного характера, якобы полученное из столицы о том, что “Его Высочество Цесаревич Константин Павлович взошел на всероссийский престол, а Его Императорское Величество Государь Император Николай Павлович лишен престола и арестован на год; Ея же Императорское Величество вдовствующая Императрица Мария Федоровна от страха умерла”. Задержанный Попов признался, что списал письмо в питейном доме у сидельца Степана Романова “с руки здешнего инвалидного писаря Семенова”. Вскоре городничий обнаружил аналогичное письмо у татарского мещанина Калины Антонова, которое, как оказалось, было также приобретено в питейном заведении.

Рядовой инвалидной команды Николай Семенов на допросе в тарском полицейском управлении рассказал следующее. Якобы 8 февраля он шел с казенными “кувертами” от командира капитана Васева в почтовую экспедицию и по дороге возле Спасской церкви встретил незнакомого человека. У них завязался разговор. Незнакомец расспрашивал Семенова о новостях. Последний отзывался незначительно. На это “неизвестный” человек якобы воскликнул: “Как Вы сие не знаете, а у нас есть выписка”, - и вручил Семенову уже известное письмо для копирования. Семенов, списав копию, вернул бумагу незнакомцу на рынке. Вечером того же дня рядовой инвалидной команды ознакомил со списком мещанина С. Романова в раскатном питейном доме. Романов подтвердил это, дополнив, что Семенов запрещал до времени объявлять новость кому-либо. Кроме того, Романов признался, что показывал письмо “для любопытства” К. Антонову.

Через некоторое время Н. Семенов “в пополнение” более подробно описал незнакомца, который передал якобы ему письмо: человек среднего роста, одетый в шубу, крытую черной нанкой или китайкой, в серой мерлушковой шапке. Более того, писарь инвалидной команды сообщил, что после второй встречи с незнакомцем на рынке он водил его в фунтовой питейный дом, где поставил владельцу письма вина на 10 коп. Служитель питейного заведения Мозаркевич подтвердил, что 3-4 дня тому назад Семенов с незнакомым караульным солдатом приходил к ним.

Коллежский регистратор Я. Попов также дополнил картину происшествия. 9 числа в первом часу пополудни он зашел в питейный дом, выпил перед обедом вина за 8 коп. Сиделец С. Романов заинтриговал его сообщением о новости “на шет государя”. Попов из любопытства просил прочитать письмо. При этом он заметил, что бумага писана рукой Романова. По словам чиновника, письмо показалось ему сомнительным, и он скопировал его, чтобы представить городничему, которого в тот день не застал на месте. Не застав городничего, он показал копию с письма хорунжему 14 класса Молодавскому и коллежскому регистратору Эрну. Через некоторое время Я. Попов был призван в окружное управление, где и вручил список с письма окружно-

му начальнику в присутствии Г. Эрна.

По мнению Молодавского и Эрна, отношение Я. Попова к списку не было столь скептически. Согласно их рассказу, Я. Попов просто познакомил их с новостью, обладателей которой он недавно стал, и пытался выяснить отношение Молодавского и Эрна к информации, которая содержалась в письме. При этом именно Эрн, познакомившись с письмом и зная, что “сего не может никогда случиться, и сообразная самой худой и неправильный слог письма сего”, донес о нем окружному начальнику.

В судебно-следственном деле содержатся 3 практически идентичные копии письма (изъяты у Я. Попова и К. Антонова, а также копия, сделанная в окружном управлении):

“Санкт-Петербург. Генваря 8-го числа 1826 года. К удивлению Цесаревича, наследовавшего российский престол Константина Павловича, когда уже я отвержен. Но нет - вынудила меня польская система быть польским и российским императором. Тогда-то вынуждено Варшаве сказано: “Ура, ура, ура! Любезныя дети! Грядю в Петербург с вами и занимаю престол российский в означенное число”. Приходя к онному, узнал, что тут царствует Николай, брат мой. Сие зависит от матушки моей Марии.

Петербург встрепетал прибытия Константина. Ни один из войска солдат не мог противоречить. Тогда-то Константин повелел: “Дайте мне виновников, сената”. И по представлении неблагочестия сего неизвестно куда удалены. Но я о их знаю. А ты, брат, потворщик сената, с матерью моею арестуешься на год. Осрамленный престол: Лишает Николая. В 10-е число преемлю престол Божий и могу даровать все-неослабную вольготу. Мария, страха сего убояся, померла.

Против Бог согрешение мое и приемлю велокодушнаго Константина. Ура, ура, ура!

На подлинном подписано: князь Лобанов”(ГАОО. Ф. 3, Оп. 13, Д. 17813, Л. 6-об., 18-19).

Данный текст не является чересчур оригинальным с точки зрения развития легенды о Константине. В ней так или иначе присутствует ряд моментов, характерных в целом для “константиновской” версии легенды. Это незаконный характер отстранения Константина и восшествия на престол Николая; негативная роль царской матери - Марии Федоровны - и сената в отстранении Константина; стремление Константина дать какие-то социальные льготы и гарантии (“воля” для крепостных Европейской России; менее определенная “вольгота” в нашем сибирском варианте). Все это позволяет предполагать, что тарская версия является местным вариантом общероссийской “константиновской” легенды. Правда, пасквиль повествует о смерти от страха Марии Федоровны, в действительности скончавшейся 24 октября 1828 г. (ее реальная смерть породит слухи о том, что Мария Федоровна со своей смертью унесла “согласие царской фамилии”, и теперь Константин Павлович наверняка выйдет из повиновения своему брату - Николаю).

Происшествие в Таре не произвело большого общественного резонанса. Тем не менее, многие горожане и даже жители округа слышали о пасквиле. Как сообщал в своем донесении от 22 февраля тарский земский исправник, “между чернию начали

происходить между тем различныя суждения и толки, но отнюдь не было слышно, чтобы поколебалась преданность народа к особе Государя Императора”. Однако некоторые крестьяне, а особенно местные татары “из произшедших по сему случаю толков выводили заключение, что сбор денег на земския повинности отменен и подати сложены, от чего было и сбор приостановился”. Земский исправник должен был самолично, а также через волостных начальников делать пристойные внушения в опровержение “всех нелепых толков”.

В ходе следствия обнаружилась еще одна примечательная деталь. Чиновник Я. Попов в дополнение показал, что им была списана копия с письма императрицы Елизаветы Алексеевны к своей родительнице со списка, обнаруженного им у секретаря тарского окружного суда Тихонова. Впоследствии, утверждал Попов, копию он утратил. Тихонов же напрочь отверг факт знакомства с подобным письмом.

Тем не менее, указанное письмо имело хождение в Таре. Список с него также содержится в судебно-следственном деле. “Маминька. Наш Ангел на небе, а я все еще шатаюсь по земле. Кто мог подумать, чтобы я, слабая, больная женщина, когда-либо могла пережить его. Маминька, не оставляйте меня, ибо я совершенно одна в сем горестном свете. Наш драгоценный покойный, его улыбка доказывает мне то, что он теперь счастлив, и что он видит превосходнейшая вещи, нежели как здесь. В сей невозвратимой потере одно только мне остается утешение, то я его не переживу. Я надеюсь, что скоро с ним паки соединюсь.

Вам преданная дочь несчастная Елизавета”.

Сибирская губернская администрация не была склонна раздувать дело. Тобольский гражданский губернатор Д. Бантыш-Каменский самолично допрашивал Н. Семенова в собственном кабинете и “убеждениями своими” заставил того отказаться от рассказа о таинственном незнакомце в шубе и учинить добровольное признание в самостоятельном составлении письма, без участия кого бы то ни было, но и “без всякаго злаго умысла”. Писарь инвалидной команды признался, что целью сочинения было выпить чарку вина в питейном доме за выданную им новость. Подобное признание дорого стоило Н. Семенову - он был приговорен к наказанию шприцутенами (3 раза через тысячу человек) и переводу в Омский гарнизонный полк. Я. Попов, С. Романов, К. Антонов были помилованы Николаем I.

* * *

В. И. БАЙДИН
(г. Екатеринбург)

**ОБЩЕСТВО СТАРООБРЯДЦЕВ
СИБИРСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В.
(К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ)**

В отечественной историографии, как и в современной западной, широкое распространение полу-